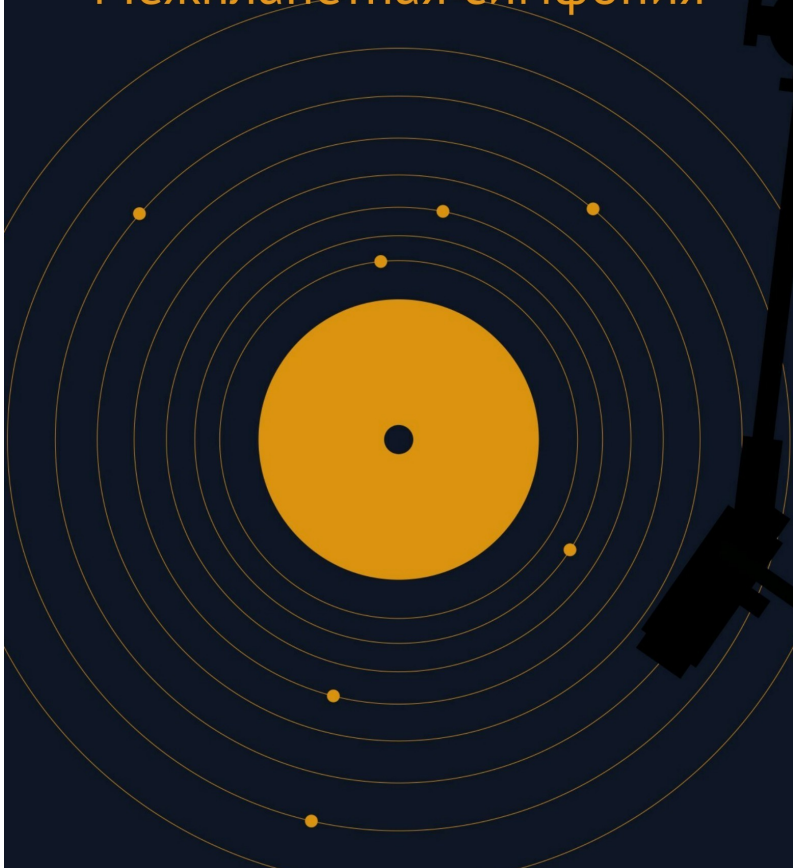

Межпланетная симфония

Роман Рогов

Роман Дмитриевич Рогов

Межпланетная симфония

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30472664

SelfPub; 2018

Аннотация

Внимание, внимание! Говорит Центр управления полётами! В эфире – симфония, посвящённая столетию первого полёта человека в космос. Играет космический оркестр под управлением Клауса Рихтера. Дирижёр находится на Луне, музыканты – на орбите Земли, Луны и на Марсе. Симфония исполняется в прямом эфире!

Межпланетная симфония.

Тихо-тихо скрипки и виолончель взяли квинту и потянули её. Через четыре такта к ним присоединилась валторна. В растущем крещендо росла, ширилась мощь. К инструментам добавилась флейта, повторяя тему Циолковского из предыдущей части, затем на первый план вышел альт с темой Годдарта и отступил, переплетаясь с флейтой. Скрипки, виолончель и валторна шагнули вверх по октаве, потом отъехали назад и снова подпрыгнули – уже на терцию. Это стартовали ракеты ГИРДа. Сейчас вступит труба – тема Королёва. Вот она, постепенно пробуждается, всё ещё скрытая за струнными, которые больше не тянут квинту, а играют целыми, чётко отделяя одну от другой. Следом за трубой идёт валторна, через два такта их поддерживает альт. Расцветает бас и медленно шагает по нижнему регистру, сначала четвертями, потом восьмыми, потом шестнадцатыми. Звук становится всё громче, он наполняется энергией, темп ускоряется. Громче, быстрее, короче ноты, сильнее акцент! Тема разделяется на две части: быстро бежит флейта, а за ней по пятам следует труба – это СССР и США стремятся обогнать друг друга, первыми запустить спутник. Бас тяжело роняет несколько нот, что драматически подчёркивают струнные – это одна за другой следуют неудачи. Наступает кульминация: скрипки сумасшедшим пассажем взлетают вверх... И наступает тишина. Первый спутник запущен.

– Хорошо, – одобрительно произнёс Клаус Рихтер и пролистал партитуру дальше. – Вторая часть. Возьмём немного медленнее. Темп – 100. Я вас попрошу максимальное внимание уделить нюансам. Должно прозвучать каждое диминуэндо и крещендо. Дэвид, стакатто в шестой цифре – острее. Поехали!

Клаус выждал семь минут, пока до всех дойдёт его голос. Он видел на экране, как сигнал достигает сначала лунную станцию, потом МКС-2 и Тайяньфэн на земной орбите, пересекает огромное пространство до Марса и вращающейся вокруг него орбитальной станции.

Труба и валторна в унисон сыграли кварту, эхом откликнулся контрабас – это пролетели ещё три с половиной года напряжённого труда.

– Так, а теперь приступает к подготовке первый отряд космонавтов. Шиори, выделяй сильную долю.

Гитара повторила простую секвенцию в среднем регистре, а потом отпустила шесть хрустальных ноток: ударная шестёрка – Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Нелюбов и Быковский – была отобрана для тренировок к первому полёту.

– Светлана, тему Гагарина начни, немного оттягивая ноты. Вот так, хорошо!

Нежно вступил альт, взмыл триолями и закружился вокруг скрипок и гитары, то отставая, то нагоняя.

– Внимание, седьмая цифра. Абубакар, энергичнее!

Все инструменты грянули разом. Флейта, гитара и тру-

ба повели основную мелодию, струнные и бас выстроили величественную декорацию быстрыми пассажами. Гагарин утверждён космонавтом номер один.

– Последние приготовления перед стартом. Пианиссимо, потом крещендо до форте.

Накал возрастает. Море скрипок, волнуясь, подступает к регистру основной темы.

– И! – Клаус вскрикивает и широким взмахом руки, будто он действительно находится за дирижёрским пультом, обрывает оркестр.

Остаётся только контрабас. Короткие ускоряющиеся переборы – это апогей ожидания. И одинокие, резкие шаги гитары, спускающиеся вниз по октаве – предстартовый отсчёт. Рокочет бас и в унисон с ним тяжело тянет ноту виолончель. Пять... четыре... три... два... один... Старт!

Инструменты вступают все разом под торжественные кварты валторны и трубы – ракета, преодолевая земное притяжение, устремляется ввысь. Её поддерживают виртуозные скачки флейты по хроматической гамме. Пролетают разом, по одному такту из каждой, все темы первой и второй части симфонии. Перебор гитары – всё идёт по плану. Мощь звука продолжает нарастать... и вдруг происходит непоправимое: взрыв, разлетающиеся языки пламени, падение. Кто-то ошибся.

– Стоп, стоп, стоп! – болезненно сморщившись, Клаус Рихтер машет руками. Но не все музыканты получают сигнал

сразу.

Сначала перестают играть альт, вторая скрипка и труба, через пару секунд – первая скрипка, валторна и флейта. Пройдёт ещё долгих семь минут, прежде чем прекратит увлечённо выпиливать виолончель.

– Эрнст, соль диез! В семнадцатой цифре соль диез! – Клаус нервно барабанит пальцами по столу, поглядывая на экран.

– А? – удивляется Эрнст, когда доигрывает партию, будто сам не заметил ошибки.

Клаус устало вздыхает.

– Эрнст, у нас расхождение с Марсом чудовищное, почти несовместимое с тем, что мы хотим тут сделать. Если ты каждый раз будешь забывать про соль диез, нам придётся распрощаться и остаться без виолончели.

– И ты не станешь самым далёким музыкантом от Земли, – хихикнула Индира, первая скрипачка.

– Давайте не отвлекаться! – раздражённо говорит Клаус – Я попрошу вас внимательно следить за каждый нотой. Технические трудности остались позади, теперь следует сконцентрироваться на музыке. Ждём семь минут и с пятнадцатой цифры в темпе 100...

– Я им уже стал, Индира, – огрызнулся Эрнст с марсианской станции. – Не стоит полагать, что я участвую в проекте только для того, чтобы поставить рекорд. И вообще... ладно, молчу. Готов начинать.

Клаус, закрыв глаза, поборол гнев.

На этот раз без приключений добрались до конца третьей части симфонии, до того момента, когда первый космонавт Земли завершил виток и приступил к процедуре возвращения. На этом месте остановились вторую репетицию подряд. Композитор хотел добиться лучшей сыгранности и отточить все нюансы, прежде чем двигаться дальше.

После того как репетиция завершилась, Клаус долго смотрел на стереопортреты многих первопроходцев космонавтики, занимающих все стены в его отсеке: Константин Циолковский, Герман Оберт, Роберт Годдарт, Макс Валье, Фридрих Цандер, Вернер фон Браун, Сергей Королёв. Все эти отважные мечтатели и предвестники космических полётов прозвучали в первой части симфонии, рассказали свою историю голосом скрипок, трубы, валторны, флейты, виолончели, альты, контрабаса и гитары – инструментов, разбросанных от Луны до Марса на многих базах и космических станциях. Что может быть лучшей данью их памяти?

Клаус какое-то время размышлял о тех, кто не поместился бы ни на одной стене – о сотнях испытателей и инженеров, приблизивших начало космической эры. Потом его мысли привычным маршрутом пришли к Юрию Алексеевичу.

Это надо же – столько лет со дня его полёта! И как много успели с тех пор. Или мало? Луна, Марс, совсем немного – астероиды...

А что с симфонией? Она написана, музыканты собраны,

инструменты доставлены на базы и станции – настоящие, живые инструменты. Но трудности только начались: хоть в это время и было противостояние Марса, сигнал всё равно шёл 7 минут, что никак не способствует совместному музицированию. Так музыкальная проблема стала инженерной, а потом, после написания простой программки, учитывающей время на распространение сигнала, вновь музыкальной. В итоге Эрнст на марсианской станции и Ирина на Elon Mars Station начинают играть раньше всех, потом к ним присоединяются Светлана и Абубакар с МКС-2, Шиори и Ли с китайской станции Тайяньфэн – с земной орбиты сигнал идёт около полутора секунд. Последними начинают играть Хавьер с Дэвидом на лунной орбитальной станции и Индира с Джин на лунных базах. Играя, музыканты не слышат друг друга, потому что все вступают в разное время, и каждый раз аккомпанементом им служит запись предыдущей репетиции. А все сигналы, будто притоки реки, стекаются в одну точку – в компьютер композитора и дирижёра Клауса Рихтера на Луне. 12 апреля они соберутся в другой точке – на Земле. До этого события осталось чуть больше трёх недель.

Стереопортреты изломились прямоугольником, Королёв наехал на Валье, а фон Браун – на Циолковского, и в образовавшийся дверной проём просунулась голова Славомира, инженера.

– Клаус Робертович, я вас уже целых полчаса найти пытаюсь. Вы на запросы не отвечаете.

– Да? – задумчиво спросил Клаус.

– Привезли робота, что-то у него там разладилось. Марта нервничает и просит срочно поставить машинку на ноги, иначе график работ сорвётся. Никто, кроме вас, Клаус Робертович.

– Человек незаменим в век робототехники? – бодро произнёс Клаус и тут же понял, как сильно устал.

Вторая смена подряд – это плохо. Значит, отменяется завтрашняя репетиция. Нет, не может она отмениться. Он проведёт её в любом состоянии.

– Иду, – Клаус поднимается и быстро выходит из отсека. Они оказываются в длинном ярко освещённом коридоре. Потолочные плиты сплошь лазурные, неотличимые от обычного земного неба, а около лифта в них сияет солнце. Клаус жмурится после полутьмы своего отсека. Стены – убегающая к горизонту рожь, ветер колышет её и тёплой волной приносит лёгкий аромат полевого разнотравья. Еле слышно шумят кондиционеры.

– Скажите, пожалуйста, Клаус Робертович, а вы по дому не скучаете? – неожиданно спрашивает Славомир. Добродушно так спрашивает, вежливо. Но что-то ещё было в этом вопросе.

– Некогда скучать, работы – Море Дождей, – отшутился Клаус, но внутренне насторожился.

– Хорошо вам, – вырвалось у Славомира.

Клаус остановился, Славомир тоже. В глаза не смотрит,

«да это я так, не принимайте всерьёз» – шепчет.

– Ну-ка, парень, выкладывай, что у тебя там на душе накопилось, – спокойно говорит Клаус.

Славомир молчит. Потом проводит пальцами по колосьям на стене, и Клаус услышал сдавленное «Не настоящее, не настоящее...» Славомир, зажмурившись, смотрит на небо. На потолок, то есть. В глазах у него слёзы.

– Не могу я больше, Клаус Робертович! Сил моих больше нет здесь находиться.

– Космическая болезнь, – вздохнул Клаус. – Против неё – только одно лекарство. Пора тебе, дружище, домой.

Славомир вытер кулаком глаза.

– Как-то странно получается. Сначала учишься полжизни как проклятый, к мечте стремишься, все силы ей отдаёшь, а когда вроде бы в руках уже её держишь, то понимаешь вдруг, что мечта твоя не лунные камни или там марсианский песок, а речка чистая... Или таёжный лес... Настоящие, не в виртуальной реальности или на экране.

– Давай-ка со мной на технический уровень, – предложил Клаус. – Побеседуем, а я пока роботов почию. У тебя смена закончилась?

Славомир понуро кивает.

Как только они зашли в лифт, кабина автоматически тронулась. На какое-то время Клаус почувствовал лёгкое увеличение тяжести – вместе с лунным оно даже до земного притяжения не дотягивало – и автоматически подумал о перегруз-

ке в десять г, к которым готовили Гагарина. Сегодня требования к космонавтам снизились в разы.

– А работа твоя как? Не разочаровала?

– Работа интересная! – Славомир оживился. – Начинаем отрабатывать безракетные запуски грузов с Луны. Для этого проектируют большую разгонную трубу и принимающий комплекс. Фантастика становится реальностью! Помню, какое впечатление на меня произвёл в детстве роман Маркуса Левина «Пространство», там описывались очень похожие системы. Не читали?

– Читал, – рассеянно ответил Клаус и понял, что сказал неправду. Сейчас он думал о другом.

Лифт, перенеся их через несколько этажей базы, скрытой под поверхностью, остановился на техническом уровне. Здесь царила безмятежная атмосфера тропического курорта: шумели волны, песок слепил глаза, было жарко и пахло пляжем. Из-за угла, где стояла акустическая система, кричали чайки.

– Я вот что тебе скажу, Славомир. Когда ты о своём деле говоришь, то прямо светишься. Помнишь, сколько в тебе было энтузиазма, когда ты прилетел два года назад? Вот-вот, и я помню. Тут твою мечту ждал самый серьёзный экзамен. В таких условиях и проверяется, правильный ли ты путь выбрал, туда ли пошёл. И если чувствуешь, что теряешь вкус к жизни, что работа опостылела, то значит, ошибся, надо дальше идти искать или отступить немного, со стороны

взглянуть. Но тебе ведь дело твоё не разонравилось?

– Нет.

– Тогда это тебя точно космическая болезнь подточила. Она многих заставляет раньше времени вернуться. Но если ты по-настоящему в космос стремился, то вскоре тебя снова сюда потянет. Дома побудешь, по лесам-речкам-долинам побродишь, а потом взвоешь: дайте мне лунную станцию и реголита.

– Что же мне тогда делать?

– Не хандрить. Вспоминай чаще, как стремился на Луну попасть, как учился. Этого, конечно, не достаточно. Свяжись с центром управления, по контракту тебя уже могут вернуть. Погуляешь по Земле полгода и вернёшься. Марта, кстати, так и делала, когда простым инженером начинала. А вернулась – и вскоре начальником базы стала.

– Её тоже космическая болезнь скосила?

– Конечно. Этой заразе подвержены все, кому есть за чем возвращаться домой.

– Только вас она стороной обходит, да? – пошутил Славомир и понял, что ляпнул лишнее. – Я, наверное, пойду, Клаус Робертович. Мешать вам только буду. От меланхолии вы меня вылечили, спасибо. Хорошей смены!

– И тебе того же, – спокойно кивнул Клаус.

Он прошёл в технический бокс, машина была уже здесь – стояла аккуратно на верстаке, очищенная от пыли и нагретая до температуры воздуха. И всё же работать без защиты

запрещалось: мельчайшие частички лунной пыли, не обточенные ветрами и водой, были очень опасны для дыхательных путей. Лёгкий скафандр Клауса, подключенный к системе жизнеобеспечения базы, задвинул прозрачное забрало.

– Лунный пейзаж, пожалуйста, – попросил он, и стены послушно отразили серо-коричневые россыпи реголита. На чёрном небе ярко синела Земля. Запахло тёплым камнем. – Это мне больше по душе! – усмехнулся Клаус и, не обращая ни на что больше внимания, занялся роботом.

Автоматические системы осуществили первичный осмотр механизмов и выявили возможные причины неисправностей. Разбирая корпус, Клаус уже видел, что некоторые узлы были подсвечены красным в дополненной реальности. Компьютер полагал, что дело в подвеске и в одном из колёсных моторов.

Чем больше Клаус работал руками, тем лучше себя чувствовал. Окружающий пейзаж, на который он иногда бросал взгляд, воодушевлял. Зазвучала музыка, и его окутал спокойный умиротворяющий эмбиент. Клаус старался не думать о том, что неосторожно задел внутри него Славомир. Не хандрить, работать!

Подвеска на роботе действительно пошла в разнос, и, оценив масштаб повреждений, Рихтер решил печатать новую. 3D принтер, получив команду, начал сопеть и трещать. Старую подвеску Клаус снял и отправил на переплавку: в замкнутой системе лунной базы материалами разбрасываться

не приходилось. А вот с электромотором предстояло повозиться. Выкручивая автоматической отвёрткой гайки, Клаус поймал себя на том, что напевает мелодию из четвёртой части своей симфонии.

– Фа-ля, – пропел себе под нос Клаус и окончательно отвлёкся от колеса. Чего-то не хватало.

Восток-1 с огромной скоростью летит по орбите, под ним проносятся моря и равнины. Юра переводит взгляд на край земного диска и первым из людей видит прекрасное голубоватое свечение атмосферы. Клаус проиграл про себя четыре такта этого свечения и нахмурился. Сейчас уже взойдёт Солнце, тональность сменится на соль мажор, а свечения не слышно. Клаус попробовал добавить к флейте гитару, но получилось грубо. Да, чего-то определённо не хватает.

– Клаус? – удивлённо спросила Марта.

– Слушаю, – откликнулся Рихтер, недовольный тем, что его мысли прервали. Марта вызывала его из отсека управления.

– Ты же на Луне, зачем тебе этот реголит на стенах?

Ну вот опять.

– Кто-то гуляет по поверхности раз в неделю, а кто-то не вылезит с технического уровня месяцами и тоскует, как это ни странно, отнюдь не по земным морям. Ты по этому поводу звонишь?

– Гм, – Марта смутилась. – Я хотела спросить, как продвигается ремонт. Робот мне необходим наверху.

– Нужно заменить подвеску и, вероятно, мотор. Подвеска в процессе, приступаю к колесу. Дай мне ещё часа четыре.

– Четыре? Клаус, это исключено. Мы закладываем фундамент под масс-ускоритель, каждая машина на счету.

– Постараюсь уложиться раньше. Будешь отвлекать – не уложусь.

– Я поняла, – кивнула Марта, хотела ещё что-то сказать, но сделала над собой видимое усилие и отключилась.

Клаус вернулся к колесу. Компьютер снова подсветил красным неработающие блоки и вновь не ошибся. Клаус с удовлетворением отметил, что интеллектуальная система всё лучше определяет неисправности. Интересно, далеко ли до того дня, когда потеряет работу последний механик? Вот уже и на поверхность редко кто из космонавтов выходит: машины становятся всё функциональнее и умнее, а люди сидят под пятиметровым слоем реголита, защищённые от радиации и перепадов температуры, и играют роль обслуживающего персонала. Если бы не роботы, то рыл бы сейчас Клаус фундамент под новый... что они там строить собрались? Да что бы они там ни строили, рыл бы и получал свою дозу облучения каждый день. Конечно, он не прочь помахать лопатой на лунном просторе, но Марту эта идея вряд ли обрадует. Ей нужен здоровый механик. Нет, для неё важнее исправные машины и график работ. Хотя без механика её железная армия быстро развалится – условия суровые, техника хрупкая. В Марте, кстати, уживается то же противоречие – суровость

и хрупкость. Среди прочего. Из-за этого, наверное, у них ничего не получилось...

Клаус проверил колесо на стенде, всё работало как часы. Да, сколько уже времени прошло? Два часа, надо поторопиться.

Подвеска допечаталась и остыла, с её установкой справились автоматическая лебёдка, Клаусу оставалось только проверить крепления. Робот прошёл тест на стенде и через час уже лихо пылил по Морю Дождей.

Дело сделано, но до заветной подушки было далеко. Автоматическая система контроля над расписанием перераспределила сутки в соответствии с изменившимся графиком и предложила Клаусу отправиться на два часа в спортзал. И только потом можно было немного поспать. Физические нагрузки здесь были даже приоритетнее сна – призрак мышечной атрофии и остеопороза неустанно кружил над теми, кто отважился покинуть Землю.

Два часа Клаус усердно таскал грузы, бегал с утяжелением и потел. На сон осталось совсем мало. А следующий день пролетел как миг: сломались ещё два робота, и Рихтеру с трудом удалось освободиться вовремя, чтобы успеть на репетицию.

Около восьми Клаус запустил программу. В левой части экрана появились миниатюрные Земля, Луна, Марс и вращающиеся вокруг них станции, по центру выплыли листы партитуры, справа – таймер, который покажет, кому и ко-

гда начинать играть в реальном времени. Пока Шиори Норико, валторнистка со станции Тайяньфэн, не написала эту программу, Клаус сомневался, что подобный проект можно осуществить. Базы землян были разбросаны словно островки в огромном океане, и целые бездны пустоты разделяли их. Объединить музыкантов с Марса, Луны и космических станций – всех с профессиональными инструментами – и использовать в выступлении только живой звук, без записи, казалось непосильной задачей.

Один за другим музыканты подключались к программе. В дополненной реальности они появлялись прямо из ниоткуда в воздухе со своими инструментами, ходили по комнате, общались. Со стороны это выглядело необычно: голограммы людей задавали друг другу вопросы и по несколько минут ожидали ответа. Когда начнётся репетиция, Клаус снимет линзы, чтобы полностью погрузиться в музыку.

– Ждём только Эрнста, остальные в сборе, – возвестила Шиори. – Может, начнём пока без него?

– Я здесь, – откликнулся Эрнст Кук с марсианской станции. – Самый далёкий музыкант на связи. К тому моменту, когда вы меня услышите, я уже успею настроиться и заскучать.

Клаус Рихтер отвлёкся от своих мыслей.

– Так, начнём с четвертой части, пройдем её целиком. Сразу скажу, что в партитуре будут некоторые изменения, но пока играем по-старому. Выставляю таймер на двадцать ми-

нут, темп – 115. А пока я вас попрошу настроиться и разогреться.

Клаус развернул во всю стену изображение земной атмосферы и вновь попытался услышать, как может звучать её голубоватое свечение, но тема упорно не шла. Он пытался выхватить из потока гамм, наполнивших космический концертный зал, нужные ноты, но они никак не давались. Наконец, прозвучал предупредительный звонок таймера: осталось восемь минут.

– Эрнст, тебе через минуту начинать. Будь, пожалуйста, внимателен. В шестнадцатой цифре играй как можно тише. Всё, друзья, больше не разговариваем.

Клаус бросил взгляд на таймер и понял, что Эрнст уже начал играть. Как же всё-таки далеко! Казалось бы, простая вещь – виолончелист извлекает звук, и этот сигнал летит семь минут со скоростью света, прежде чем его услышат на Луне. А представить себе, что он уже всю четвёртую часть отыграет, когда остальные только вступят, было трудно. И ведь любой дирижёр для него – изображение, которое машет палочкой из прошлого. Больше экспрессии? Да я уже и играть закончил. Соль диез? Ну, ошибся пять минут назад, уже забыть успел, а вы всех из-за этого остановили зачем-то.

Таймер снова просигналил – 10 секунд. Клаус провёл ладонями по лицу, чтобы взбодриться и выкинуть из головы всё лишнее.

Вторая часть симфонии закончилась триумфальным, по-

бедоносно-мажорным «Поехали!» Третья часть вновь вернулась к минору. Самое сложное, самое ответственное, то, на что ушли годы напряжённого труда, только предстояло пройти.

Работала первая ступень ракеты-носителя. Альт, виолончель и контрабас в мощном порыве вели секвенцию шестнадцатыми. Каждые восемь тактов к ним присоединялась валторна и увеличивала накал, вырастая от тихого пения до надсадного крика. «"Заря-1", я "Кедр". Чувствую себя хорошо. Вибрация и перегрузки нормальные», – это у Клауса в партитуре подписана стенограмма переговоров Гагарина и Королёва. Он почти слышит эти слова в нескольких нотках трубы, прорывающихся через сплошную стену струнных.

«"Заря-1", я "Кедр". Закончила работу первая ступень», – говорит Королёв. И сразу же стихают скрипки, виолончель и контрабас, музыкальный размер сменяется на три четверти. Происходит отделение первой ступени, на несколько секунд шум в «Востоке» стихает. Только флейта тянет тонику, и гитара осторожно перебирает септаккорд.

Сменяется тональность, возвращаются четыре четверти – заработала вторая ступень. Скрипки и виолончель играют вариацию прежней секвенции. Сейчас Гагарин доложит Королёву, что произошел сброс головного обтекателя и что он наблюдает в иллюминатор Землю, что хорошо различима Земля... Труба и флейта с пианиссимо, вырастая до меццефорте, начинают обыгрывать полифоническую мелодию. Им

вторит альт: «Самочувствие хорошее, настроение бодрое. Все нормально, полет продолжаю». Сквозь волнение гармонического минора пробиваются мажорные нотки, но потом снова пропадают. Напряжение по-прежнему очень высоко. Инструменты вновь умолкают: произошло выключение второй ступени. Тянет тонику валторна. Когда начинает работу третья ступень, в третий раз сменяется тональность.

Струнные ведут вторую вариацию секвенции взлёта. Сильные доли выделяет труба. Через шестнадцать тактов включается запрограммированный Клаусом метроном, и темп начинает спадать. В тот момент, когда отделяется третья ступень, метроном доходит до 90 ударов в минуту и отключается.

Всё. Юрий на орбите. Тихо и осторожно струнные тянут свою красивую мелодию. Юрий делает запись в журнале, и карандаш начинает уплывать. Невесомость. Сейчас он восторженно скажет: «Плавает все! Красота. Интересно!» Короткие штрихи скрипок и воздушное порхание гитары, подчёркнутое тихими крещендо-диминуэндо виолончели.

Весело смеётся контрабас: это Юрий передаёт с орбиты привет Алексею Леонову: «Привет блондину!»

Клаус внутренне собирается. Вот он, самый важный момент! Гагарин открывает светофильтр «Взора» и видит чёрное небо, и по краю Земли, по краю горизонта, – голубое сияние.

Вместе с первой терцией флейты вступил саксофон. Неж-

но, мягко, с тёплой вибрацией он повёл свою партию, и Клаус почти как наяву услышал слова Юрия: «Внимание, вижу горизонт Земли. Очень такой красивый ореол...». От синевы атмосферы, от этого не виданного никем ранее сияния, нельзя было отвести глаз, и насколько это зрелище было прекрасно, настолько же пленительно звучал саксофон. Он то журчал серебряными верхами, то с шипением опускался на самый низ, то неотчётливо шептал, то пел в полный голос. Клаус закрыл глаза и перестал следить за партитурой. «Вышел из тени Земли. Через правый иллюминатор и "Взор" видно: сейчас появилось Солнце», – говорит Гагарин. Струнные выросли на крещендо, саксофон поднялся следом, в терцию с ним – труба, и взошло оно – сольмажорное Солнце, первое Солнце для первого космонавта Земли. Оркестр победоносно гремел, «Восток-1» уверенно нёсся по орбите, саксофонист летал по октавам.

Погодите-ка. Клаус открыл глаза. Саксофон. Откуда здесь саксофон? У них в оркестре нет саксофона. Кто-то забавляется? Но это закрытая частота. Кто-то из своих решил подшутить? Но должны играть все. Так, слышны три скрипки, контрабас, виолончель, альт, валторна, флейта и гитара. Где труба? А, вот труба. Может, включили запись? Что за игрушки!

Клаус переборол желание дать музыкантам доиграть, потому что это было серьёзно.

– Стоп, стоп, стоп! – сразу услышали Индира и Джю на

Луне, Хавьер и Дэвид на лунной станции; через секунду с небольшим – Шиори и Ли на Тайяньфэн, Абубакар и Светлана на МКС-2. Когда сигнал дойдёт до Ирины на Марсе и Эрнста на марсианской станции, пройдёт ещё семь минут, и они к тому времени уже будут сидеть без дела. Саксофонист, казалось, вообще Клауса не услышал и продолжал играть.

– Так, – гневно сказал Клаус, – чья это выходка?

Никто, однако, не торопился сознаваться. Забавно было слушать, как из всего оркестра остались только гитара Ирины Савельевой и виолончель Эрнста Кука, да ещё этот странный, неизвестно откуда взявшийся призрачный саксофон.

– Я не шучу, – твёрдо произнёс Клаус и почувствовал, что его трясёт от ярости. – Кто это устроил?

– Мне показалось, что это ты, – нерешительно сказала Индира.

– Шутки в сторону, Индира! Что скажут духовики? Дэвид, Абубакар, Шиори?

– По-моему, неплохая партия, – пробубнил Абубакар.

– Меня сейчас не интересует партия. Меня волнует только, кто влез на нашу частоту и, очевидно, в нашу программу.

– Насколько я знаю, сейчас в космосе нет саксофонистов, – сказал Дэвид, трубач. – Хотя я немного и играл на теноре...

– Дэвид! – почти закричал Клаус.

– Нет, Клаус, это не я.

– А кто тогда?

Четвёртая часть симфонии закончилась, смолкла гитара, виолончель и саксофон. И сразу же кто-то заговорил:

– Друзья, прошу меня извинить за музыкальное вторжение, просто мне так понравилась ваша симфония, что я не удержался и захотел поучаствовать...

– Это саксофонист говорит? – спросила Джин Джю.

– Он самый, – хмуро ответил Клаус. – Индира, можешь отследить сигнал?

Незнакомец, однако, продолжал говорить, будто не слышал остальных.

– ...я получу ваш сигнал не скоро, потому что нахожусь очень далеко. Не знаю даже, как мы звучали вместе, но когда я играл сам, используя запись вашей предыдущей репетиции, было неплохо.

– Он на Марсе! – догадался Хавьер.

– Вполне может быть, – согласился Клаус. – Там сейчас две постоянные базы: Elon Mars Station от SpaceX и Международная Марсианская База. Первый вариант маловероятен, у нас там Ирина, и она бы вычислила саксофониста. А вот второй...

– ...радио– и лазерная связь чертовски не удобна на таких расстояниях, поэтому я пришлю Клаусу мои контакты, чтобы он мог со мной связаться и обсудить музыкальные вопросы...

– Вы посмотрите только, он даже знает, как меня зовут! Репетицию сворачиваем. Индира, я жду ответа насчёт сиг-

нала. И как так могло случиться, что программу взломали?

– Я проверю её на уязвимости, – откликнулся Абубакар.

– Прости, Клаус, – расстроено сказала Шиори. – Попробую отследить сигнал, но пока не обещаю...

– ... и не вините ни в чём программиста, присоединиться к вашей программе оказалось чертовски сложно. Мне пришлось прибегнуть к небольшим уловкам, – саксофонист засмеялся. – На этом позвольте откланяться. Всем привет с астероидов!

Довольный эффектом, который он наверняка произвёл последней фразой, Данияр Фарук отключил передачу и убрал саксофон в чехол. Его станция находилась так далеко от Луны, к которой в этот момент летел его сигнал, что можно было спокойно отыграть свою партию и объясниться со всеми ещё до того, как возьмут первые ноты марсиане. Это было забавно. Как машина времени.

Через двадцать минут программа, собрав все партии и совместив их, воспроизвела третью часть симфонии. Данияр закрыл глаза и плыл в невесомости, наслаждаясь звучанием живых инструментов. Первая ступень, вторая, третья, невесомость, синева атмосферы, восход Солнца – всё это он увидел, как наяву. Потом Клаус остановил оркестр, остались только виолончель, гитара и саксофон. Данияр с улыбкой слушал растерянные переговоры космонавтов и яростные вспышки Клауса, потом своё торжествующее «привет с астероидов!» и последовавшие удивлённые возгласы. «Я

больше не самый далёкий музыкант от Земли!» – расстроено восклицает Эрнст Кук. «Так тебе и надо!» – поддевает его Индира. Клаус останавливает репетицию.

– Пора написать композитору, – решает Данияр и плывёт к компьютеру, цепляясь за поручни.

«Уважаемый Клаус! Надеюсь, вы простите меня за то, что я заглянул к вам без приглашения. Я руководствовался только желанием поучаствовать в самом масштабном музыкальном проекте всех времён. Преданный вам, Данияр Фарук, Астероидная Станция компании Space Resources».

«Неужели сам мистер Фарук? – пишет в ответ Клаус. – Много о вас читал, но никак не думал, что доведётся пообщаться и уж тем более услышать в моей симфонии. И всё же, даже от такого влиятельного человека как вы, я требую объяснений».

«Всё просто, Клаус. У вас замечательный проект. И я честно пытался удержать себя и остаться в стороне. Но в четвёртой части ужас как не хватало саксофона, поэтому я решил предложить вам своё видение этого фрагмента. Да, меня уже давно мучает вопрос: почему именно живые инструменты? И почему выступление в реальном времени, а не запись? Это было бы намного проще и дешевле».

«Первый полёт человека в космос был сопряжён с огромными трудностями. Если бы мы избегали их сегодня, спустя больше сотни лет, то вряд ли могли бы оправдать тот риск, на который шли Гагарин, Королёв и его сотрудники. Это фи-

лософия проекта. А без живого выступления, и уж тем более без настоящих, не распечатанных за десять минут на 3D принтере, инструментов смысла в симфонии не было бы никакого. У меня к вам тоже есть вопросы, Данияр. Откуда вам вообще известно про проект? И как вам удалось включиться в нашу программу?»

«Не буду ничего от вас скрывать. Помимо Space Resources мне принадлежит ещё полтора десятка частных космических компаний, в частности, Orbital Highway, которая, как вы знаете, занимается доставкой различных грузов на космические станции. И я не мог не обратить внимания на десять контейнеров с музыкальными инструментами, разлетевшихся по освоенному космосу на ракетах моей компании. Однако никаких заявлений о музыкальных проектах в невесомости не прозвучало, что заинтересовало меня ещё больше. Далее чистая дедукция и немного связей: приближающаяся годовщина полёта Гагарина, композитор Клаус Рихтер на Луне, координаторы проекта в NASA, SpaceX, CASC, Роскосмосе, DSI и других командах. Мне удалось узнать, что создана инициативная группа в космосе, разработавшая своё закрытое программное обеспечение, а Земля занимается лишь информационной поддержкой. Ну а присоединиться к вам и послушать репетиции оказалось делом техники».

«Но почему вы не написали мне, когда узнали о симфонии? Так же, как вы пишете мне сейчас? Почему ворвались без предупреждения?».

«И что бы я написал? «Мне известно о вашей классической симфонии, посвящённой Гагарину. Она немножко секретная, но я стараюсь не пропустить ни одной репетиции. Я играю на саксофоне и летаю на астероидной станции, возьмите меня к себе!» Так, что ли? Ручаюсь, что вы бы переписали программу или перешли на лазерную связь, чтобы сбросить с хвоста этого сумасшедшего. А мне бы ничего не оставалось, как продолжать играть не с живыми людьми, а с ИИ».

«Скорее всего, я так и поступлю».

«Бросьте, Клаус, неужели моя партия так плоха?»

«Может быть, и нет, но у меня классическая симфония, а у вас ярко выраженная джазовая манера. Это никак не Гагарин и не советская космонавтика шестидесятых. Совсем не тот жанр, простите».

«Да вы самый настоящий жанровый расист! Отбросьте предрассудки консерватории, Клаус, мыслите глобальнее! В конце концов, вы осуществляете самый смелый эксперимент из всех, о которых мне доводилось слышать, почему бы не добавить этому эксперименту и музыкальное измерение? Уверен, что симфония от этого только выиграет. Не торопитесь отказываться, переслушайте запись и подумайте. Буду ждать вашего решения».

Данияр отключил экран. Сейчас он не хотел знать, ответит ли Клаус сразу или всё-таки немного подумает. Данияр, хватаясь за поручни, поплыл в рабочий отсек.

На этой неделе Астероидная Станция изнутри смотрелась совсем невзрачно: бело-серые стены модулей, змеящиеся пучки кабелей и шлангов, металлические бока приборов и агрегатов – именно так выглядели космические станции полувековой давности. Одной командой можно было сменить этот хаос на пейзаж любой точки мира, будь то саванна или пустыня, океанские глубины или раскалённая поверхность Венеры. Данияр очень тянуло превратить узкое пространство станции в альпийские луга, но это нарушило бы условия эксперимента. Неделя сенсорной депривации была в самом разгаре – никаких настенных ландшафтов, виртуальной реальности и игр, минимум общения и экспериментов. Следующая неделя будет совсем другой: информационная перегрузка, бурная деятельность, постоянная связь с Институтом медико-биологических проблем, который и организовал эти исследования. «Мёртвая неделя», как называл её Данияр, сменяется «неделей жизни», – и так двадцать раз. Важно то, как на это реагирует организм в поистине уникальных условиях невесомости и удалённости от Земли. Ни одно космическое агентство, и уж тем более компания, не отправят человека на станцию без напарника. Но кто помешает сделать это самому богатому человеку планеты, одержимому космосом?

Данияр завис перед иллюминатором. В стеклянный прямоугольник было насыпано множество звёзд, которые нельзя было увидеть в таком количестве через иллюминатор, на-

правленный в сторону Солнца. Где-то там неслись целые стада микрометеоритов и астероидов. Их пастух, Юпитер, своей гравитацией периодически вносил в их движение коррективы, и тогда Данияру приходилось маневрировать, чтобы избежать возможных неприятностей. За безопасностью следила целая система наноспутников, кружащихся вместе с Поясом астероидов, но его плотность была настолько низка, что не то что столкнуться с чем-нибудь, но даже увидеть хоть зёрнышко, хоть мерцание было немыслимо. Данияр проводил много часов на «мёртвых неделях», вглядываясь в темноту, но за полгода так ничего и не заметил.

Когда очередная семидневка сенсорной депривации заканчивалась, жизнь Данияра преображалась. Станция становилась то кораблём в океане, то стратостатом в атмосфере, виртуальная реальность наполнялась информационными экранами, и куда-то совсем пропадало свободное время.

Space Resources – компания молодая, к тому же, она не единственная была создана для разведки полезных ископаемых в Поясе астероидов. Пришлось тягаться с такими мажорантами как Interplanetary Resources и Deep Space Industries, но у Данияра Фарука, основателя Space Resources, очень скоро оказался серьёзный козырь в кармане: собственная обитаемая станция на внутренней орбите Пояса, на которой он сам стал работать. И если конкуренты запускали спутники для исследования потенциальных сокровищниц Пояса с Земли или Марса, что было дорого и долго, Данияр мог печатать на

3D принтере десятки автоматических станций и выпускать их на охоту из простой электромагнитной катапульты. Ещё чуть-чуть, и у него получится заарканить выбранный астероид и стащить на околоземную орбиту для последующей разработки.

Нет, ждать больше невыносимо. Данияр, оттолкнувшись от стен, выплыл в основной модуль и включил экран. Письмо от Клауса уже пришло.

«Господин Фарук, прежде всего, я хочу извиниться за то, что вспылал, – писал Клаус. – Остыв, я переслушал вашу партию и, должен признать, она вполне даже ничего. Остальные музыканты высказались в том же духе, некоторые настаивают на вашем участии в проекте. Единственное, о чём я бы хотел вас попросить, это не распространять информацию о симфонии. Мы посчитали, что преждевременный информационный бум не пойдёт ей на пользу. К тому же, не все были уверены в принципиальной возможности подобного исполнения. Симфония будет анонсирована за неделю до празднования годовщины первого полёта человека в космос. Высылаю вам партитуру. Явитесь завтра на репетицию в 20.30 по универсальному времени, без опозданий».

Данияр счастливо улыбнулся и сразу решил сделать то, что давно уже откладывал: окончательно нарушить режим «мёртвой недели» и позвонить Ирине Савельевой на марсианскую станцию.

– Да? – Ирина включилась и, увидев, что сигнал не мест-

ный, отъехала от экрана.

– Ирина, добрый вечер! – быстро заговорил Данияр. – Я увидел, что вы в сети и решил позвонить, несмотря на поздний час. Как вам известно, я на астероидной станции, у нас расхождение сейчас пять минут. Не очень удобно для видеоразговора, но я решил позвонить. Вы можете уделить мне полчаса?

– Здравствуйте! – Ирина снова появилась перед экраном. – Мы недавно обсудили ваше неожиданное появление в симфонии. Все просто в восторге! Никто не ожидал, что такой человек как вы... а впрочем, пора перестать удивляться, когда слышишь имя Данияра Фарука. Я собиралась заниматься блоггом, но вам могу уделить хоть час. Может, переписываться было бы удобнее?

Для тех, кто не привык разговаривать с десятиминутными задержками, подобное общение покажется странным: пока вы говорите, собеседник занимается своими делами. После каждой фразы вы сами возвращаетесь к своим расчётам. Через некоторое время собеседник смотрит в экран (это до него дошло ваше сообщение), потом отвечает и вновь отворачивается.

– Нет-нет, Ирина, мне нужно вас слышать. Прежде всего, хотел выразить своё восхищение вашей игрой. Я недавно пересмотрел ваши последние концерты и пришёл к выводу, что вы владеете акустической гитарой лучше всех в мире. Мне, правда, показалось что-то необычное в вашей ма-

нере... в общем, спрошу в лоб: вы в последнее время занимаетесь электрогитарой?

Ирина смутилась.

– Спасибо за комплимент... Занимаюсь немного... Точнее, занималась, примерно год до отправки на Марс. Но когда мы начали репетировать симфонию, стало совсем не до этого.

– Ага! – обрадовался Данияр. – Значит, у вас есть электрогитара на станции! Но я точно знаю, что электрогитары не запускались в космос... Подождите, не отвечайте, вы распечатали её на 3D принтере! Всё, я вас раскусил. Надо же, как всё сходится. Предлагаю устроить межпланетный джем!

– Распечатала, – краснея, призналась Ирина. – Только я не сильно знакома со спецификой инструмента... Меня рок-музыкой увлёк муж, это его страсть. Вот я и начала потихоньку. Но до профессионализма далеко... Джем – это варенье, нет?

Данияр расхохотался.

– Ах, простота классического консерваторского образования! Доставайте гитару, я возьму саксофон, и мы будем импровизировать. Это уже полтора века называется джемом.

Ирина застенчиво улыбнулась, ушла куда-то и вскоре вернулась с гитарой.

– О, стратокастер! – довольно произнёс Данияр. – И цвет красивый. А вы, мадам, во всём следуете классике!

– У меня есть простая программа с эффектами для гита-

ры. Могу настроить сигнал так, чтобы его слышали и вы, и я... А знаете что, давайте воспользуемся нашей программой для симфонии. Сейчас никого нет онлайн, и там легко работать с задержкой сигнала... Стратокастер? – Ирина смутилась. – Извините, так тоже что-то полтора века называется?

– Хорошо, давайте с вашей программой. Стратокастер – это форма гитары, названная по легендарной модели компании Фендер... ой, лучше я ограничусь этим, иначе меня будет не остановить. Итак, предлагаю вам начать.

– Я успела уже прочитать целую статью про типы корпусов для электрогитар, – Ирина засмеялась. – Честно говоря, понятия не имею, что играть, поэтому...

Не говоря больше ничего, она выбрала на экране эффект, задумалась на какое-то время, а потом решительно ударила по струнам.

Это был перегруженный жирный риф, в лучших традициях тяжёлого рока старой школы. Ирина входила в раж, она больше не была застенчивой молодой женщиной, губы её сжались, волосы разметались по плечам. Чем больше она играла, тем сильнее отдавалась музыке, всем корпусом двигаясь в такт, с драйвом оскаливая зубы. Данияр уронил от удивления челюсть и внезапно почувствовал, как закололо отчего-то в глазах, но вовремя взял себя в руки. Так, где тут был его нейросетевой барабанщик? Он сам выберет нужный стиль и подстроится под стиль исполнителя. Добавим басы.

– Ирина, только не останавливайтесь, это просто огонь! Предлагаю сыграть несколько классических хитов и поимпровизировать на их основе по 5 минут, сейчас пришлю вам последовательность. Я установлю таймер, мы начнём ровно по сигналу. Программа будет компенсировать задержку, как при исполнении симфонии. Конечно, это будет немного отличаться от обычного джема, но я позвал виртуального барабанщика и басиста, чтобы было совсем лампово. Готова? Еее, поехали!

Где-то между Марсом и Поясом астероидов на скорости света пронеслись AC/DC, Black Sabbath, Led Zeppelin, Deep Purple, Queen, Scorpions, Bon Jovi, следом за ними – Iron Maiden, Motörhead, Manowar, Judas Priest, Metallica.

Ирина отбросила с лица волосы, переключила звучание гитары и заиграла первые аккорды Shine On You Crazy Diamond.

– Пинк Флойд? – спросил кто-то за её спиной. Не переставая играть, она повернулась. Марсель, её муж. Остановился, ошарашенный, около двери.

– Проходи, – буднично пригласила Ирина. – Извини, но на классический хеви-метал ты опоздал.

– А ты меня не приглашала. Ого, да у вас целая группа! Откуда саксофонист?

– Из Пояса астероидов.

– Не может быть! Данияр Фарук играет на саксофоне?

– Ещё как играет. Он услышит тебя через пять минут, мо-

жешь пока передать привет.

– Кхм... – Марсель сел рядом с Ириной так, чтобы не попадать в кадр и тихо спросил. – Вы долго ещё? У меня к тебе разговор.

– Закругляемся, это последняя песня в плейлисте. Как тебе его соло?

Марсель одобрительно кивнул. Соло было отличное. Доиграв, Ирина вежливо поблагодарила Данияра за джем, отключилась и повернулась к Марселю.

– И о чём ты хотел поговорить?

Марсель некоторое время молчал, нервно играя желваками.

– Ира, я волнуюсь. Очень сильно волнуюсь. Я недавно беседовал с начальником базы и главврачом. И ещё кое с кем. В общем, для тебя есть место на следующем Драконе, – видя растущее негодование Ирины, Марсель заговорил быстрее. – Главврач меня поддерживает. Никто не берётся утверждать, что здесь всё пройдёт гладко. Возможны осложнения. Не оборудована до конца операционная, задерживается техника. И потом – уменьшенная гравитация... Как это отразится на ребёнке? Подожди, дай договорю. Начальник базы убедит Землю, что с твоей программой мы справимся. Перераспределим нагрузку, я возьму дополнительные часы. Разве ты не видишь, как велик риск?

– Марсель, подожди. Я собираюсь рожать не просто потому, что мы с тобой этого захотели. Да, никто ещё не рожал

на Марсе, но кто-то должен быть первым. Есть программа медицинских исследований, над которой работают десятки специалистов...

– У них уже дважды сдвигались сроки по операционной. У тебя так просто срок сдвинуть нельзя. Если они не отправят технику двадцать девятого марта, тебе надо улетать. Больше запусков до июля не будет. Твой Дракон стартует второго апреля.

– Любимый! – Ирина крепко обняла мужа. – Я не могу улететь. Во-первых, Мануэла отличный врач, она усиленно готовится и, в отличие от тебя, не переживает по пустякам. Во-вторых, я тебя люблю и одного на Марсе не оставлю. А в-третьих, я не могу улететь до Дня Космонавтики. Ты знаешь, почему.

Марсель задумчиво поглаживал длинные волосы Ирины.

– Знаешь что, – наконец сказал он, – а пойдём-ка к нам в сад прогуляемся. Я тебе покажу, как помидоры выросли. Их прямо не узнать!

– Пойдём, садовник, – весело согласилась Ирина.

Elon Mars Station, как и лунная станция, находится под поверхностью: это по-прежнему обеспечивает самую действенную защиту от радиации. Основной блок помещений в виде пятиуровневой спирали соединяется горизонтальными шахтами с производственными комплексами: очистными сооружениями, реактором, лабораториями и гидропоническими плантациями.

«Я – гидропонический огородник, – представился Марсель, когда они только познакомились с Ириной. – Буду выращивать на Марсе ягоды и овощи, чтобы кормить колонистов. Хотя первое моё образование – романтик. Вы случайно не планируете слетать на Марс?»

«Случайно планирую. Мой Дракон стартует завтра, – смеюсь, ответила Ирина. – Я ареолог – занимаюсь геологией Марса. Хотя первое моё образование – консерватория».

Лицо Марселя вытянулось: он привык к совсем другому ответу, но он быстро справился с собой.

«Фортепиано?»

«Гитара».

«Классический рок?»

«Пока нет, но если вырастите на Марсе что-нибудь для меня, я попробую».

Спустя годы после того диалога они, обнявшись, неслись в горизонтальном лифте на плантацию. Усилиями целой команды учёных, в которую входил и Марсель, удалось вырастить множество культур и наполовину покрыть потребности станции в продуктах питания, на треть – в кислороде.

– Планируем собрать центнер клубники в этом сезоне, – сказал Марсель. – Хотя Илон Маск считал, что мы достигнем этого показателя гораздо быстрее.

– Не всё получилось так, как предсказывали на заре космонавтики.

– Это да. А помнишь ту старинную песню? «И на Марсе

будут яблони цвести...» Мне неудобно перед предками: сейчас у нас цветут только огурцы. До яблонь очень далеко.

Двери лифта открываются. Четыре ряда мощных ламп, подвешенных к потолку, уходят вдаль. Под ними раскинулись ряды зелени. По периметру – многоярусные шкафы с клубникой и другими низкорослыми культурами. Воздух душный и влажный. Ирина и Марсель закрывают забрала скафандров и медленно идут по дорожке между рядов.

– Я люблю здесь бывать, – признаётся Ирина. – Приятно видеть, как на другой планете растёт и развивается жизнь, которую мы принесли с собой.

Марсель вздыхает.

– Надеюсь, что, когда родится наш ребёнок, ты снова так скажешь.

– Это у меня случайно вышло. Ты уже передумал меня отправлять на Землю?

– Да как тебя отправишь? У тебя работа, День космонавтики...

– И ты, – напомнила Ирина.

– Ну и я немного. Кстати, в Space Resources разрабатывают детский тренажёр, имитирующий силу притяжения на Земле. Тебе Данияр Фарук об этом не говорил? Да и в SpaceX стараются что-то придумать. Так что, может быть, ты и права, опасаться нечего.

Некоторое время они шли молча.

– Я ещё тебя не спрашивала: как мы назовём нашего ре-

бёнка?

– По-моему, для первого человека, рождённого на Elop Mars Station, есть отличный вариант. Понимаешь, о чём я?

Ирина улыбнулась и кивнула.

– Давай возвращаться. Мне осталось пять часов на сон. А завтра ещё анализ грунта из Солис Планум и репетиция.

– Эх, а я хотел пригласить тебя завтра на свидание. Проехались бы к Долине Маринеров, полюбовались каньоном...

– После репетиции – с удовольствием! – Ирина обняла Марсея и поцеловала его.

Это был один из аккордов симфонии. Не той, которую посвятят очередной годовщине полёта Юрия Гагарина и началу космической эры, но которая звучит с тех самых пор, не прекращаясь, иногда затихая до пиано, иногда взметаясь до форте, в исполнении многих тысяч людей самых разных профессий. В ней звучат темы человеческих взаимоотношений, для которых даже межпланетное пространство не может стать преградой, научного прогресса и международного сотрудничества. Количество инструментов в этой симфонии не ограничено, и каждый может сыграть в ней свою партию. А ещё говорят, что она, раз начавшись, уже никогда не перестанет звучать.

– Друзья! – сказал Клаус Рихтер, когда все соединились. – Как вы знаете, до 12 апреля осталось всего три недели. Репетиций не так много, чтобы достичь идеала, поэтому попрошу вас не ошибаться и уделить максимальное внимание нюан-

сам. Начнём с самого начала в темпе 110. Ставлю таймер на десять... простите, двадцать минут. Все готовы? Поехали!